

СТАТЬИ

О ПРИРОДЕ ВИРТУАЛЬНЫХ «ВЕЩЕЙ» КАК ОБЪЕКТОВ ВЕЩНЫХ ПРАВ

К ПУБЛИКАЦИИ РУССКОГО ПЕРЕВОДА СТАТЬИ ДЖ. ФЕЙРФИЛДА «„ВЕЩНОЕ“ ПРАВО ВИРТУАЛЬНЫХ „ВЕЩЕЙ“»

А.М. Доев

Исследовательский центр частного права
имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
103132, Россия, Москва, ул. Ильинка, 8

Аннотация

Технологический прогресс заставляет юристов ставить под сомнение устоявшиеся традиционные правовые концепции в поиске оптимальных способов регулирования. Исключением не стали виртуальные (цифровые) «вещи» — токены (NFT). Множество споров, окружавших это явление, позволили сформулировать цель настоящей работы: применять ли нам к таким «вещам» какой-то традиционный институт (вещное право, интеллектуальное право) или с нуля разработать своеобразный режим? С помощью исторического и сравнительного методов на основании догматических источников в настоящей статье исследуются понятия «thing» и «property» в англо-американской правовой семье. Проводится их сопоставление с ближайшими функциональными аналогами из правовых систем романо-германской семьи — «вещью» и «вещным правом». Устанавливается, что вещные права в *common law* возникли в Средние века в виде феодальной системы прав-статусов на землю (*estates*). Позднее, под влиянием исследований Уэсли Хофельда о юридических противоположностях и коррелятах, эта система была существенно модернизирована посредством деконструкции *property* до «пучка прав». Анализ публикуемого перевода работы Джозуа Фейрфилда убедительно доказывает, что NFT, криптовалюта, как и любой иной уникальный токен, в ключевых аспектах неотличимы от вещи в техническом гражданско-правовом смысле. К аналогичному выводу в контексте российского права приходит настоящая статья: главные критерии «вещественности» — материальность и возможность быть объектом исключительного владения — равно соблюдаются в отношении токенов и земельных участков. Интуитивные представления о вещи как продукте природы, очевидно, устарели и должны быть отброшены. На их место должно прийти юридически оправданное понимание вещи как результата социального взаимодействия. Кроме того, внимание обращается на важные функции вещественности, а именно снижение информационных издержек участников правоотношений за счет естественного формирования интуитивных ожиданий и предрассудков об объеме и свойствах изучаемых прав.

Ключевые слова

понятие вещи, собственность, вещные права, цифровые права, уникальный токен, невзаимозаменяемый токен, пучок прав, У. Хофельд

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Благодарность

Автор предисловия и перевода выражает благодарность С.К. Степанову и А.В. Нектову за ценнейшие замечания и содействие, оказанное при подготовке настоящих работ.

Для цитирования

Доев, А.М. (2023). О природе виртуальных «вещей» как объектов вещных прав. *Цифровое право*, 4(3), 8–15. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-8-15>

Поступила: 31.07.2023, принята в печать: 27.08.2023, опубликована: 30.09.2023

ARTICLES

ON THE CONCEPTS OF VIRTUAL “THINGS” AND “THING-NESS”

PREFACE TO THE TRANSLATION OF J. FAIRFIELD’S “PROPERTY AS THE LAW OF VIRTUAL THINGS”

Andrei M. Doiev

Private Law Research Centre
8, Il'inka str., Moscow, Russia, 103132

Abstract

As a result of technological progress, established traditional legal concepts require constant refinement to permit their optimal regulation. For example, virtual (digital) “things” — or tokens (NFTs) — are subject to disputes concerning whether it is preferable to rely on a traditional legal institution (e.g., property and intellectual property) or create a completely new regime “from scratch”. Using historical and comparative legal methods based on doctrinal sources, the present work explores the concepts of *thing* and *property* in the common law of nation states. The closest functional analogues in the civil law systems the *res* (“thing”) and *in rem* (“right”) are compared. Common law *in rem* rights are established to have emerged in the Middle Ages in form of the feudal system of different statuses with respect to land (estates). Later, under the influence of Wesley Hohfeld’s research on legal opposites and correlatives, this system was substantially modernized through the deconstruction of property into a “bundle of rights”. An analysis of a published translation of Joshua Fairfield’s article convincingly demonstrates that cryptocurrency, just as any token, is indistinguishable in its principal aspects from a “thing” in the civil-law sense. A similar conclusion is reached in the context of Russian law: the main criteria of “thing-ness” — materiality and the possibility of being the object of exclusive possession — are equally fulfilled when it comes to tokens, land plots or chairs in one’s apartment. Accordingly, intuitive notions about things as products having real nature are obviously outdated and should be replaced with a jurisprudential understanding of the “thing” as a result of social interaction, rather than having a certain nature in and of itself. The important functions of materiality consist in a reduction of information costs for participants in legal relations due to the natural formation of intuitive expectations, as well as prejudices about the scope and characteristics of these rights.

Keywords

concept of thing, property, rights in rem, digital rights, non-fungible token (NFT), bundle of rights, Wesley Hohfeld

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
Acknowledgments	The author of the foreword and translation is grateful to S.K. Stepanov and A.V. Nektov for their indispensable comments and assistance in the preparation of these papers.
For citation	Doiev, A. M. (2023). On the concepts of virtual “things” and “thing-ness”. <i>Digital Law Journal</i> , 4(3), 8–15. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-8-15

Submitted: 31 July 2023, accepted: 27 Aug. 2023, published: 30 Sept. 2023

Расширение технических возможностей человека расширяет возможности владения и, стало быть, позволяет сделать вещами новые материальные объекты.
К.И. Скловский

В романо-германской цивилистической литературе давно принято полагать, что право собственности и прочие вещные права являются относительно недавними изобретениями (Dozhdev, 2021, 262), результатами буржуазных революций и конца феодального порядка (Rubanov, 1986, 77–114) с имманентной ему системой социальных статусов и сеньор-вассальных связей, препятствовавших появлению истинных вещных прав.

Прежде чем приступить к обсуждению вопроса вещных прав на виртуальные (цифровые) «вещи», необходимо кратко осветить особенности понимания этих самых так называемых «вещных прав» в англо-американском праве.

Понятие «property» в странах *common law*

На первый взгляд буржуазные революции коснулись и Англии, но при более пристальном рассмотрении оказывается, что система «вещных прав» — неизвестная *common law* до XVII в. — там так и не возникла. На ее месте сохранилась громоздкая система статусов (*estates*¹), определяемых не по типу отношения «субъект — объект», но «земельный участок — феодал». Как отмечает Д.В. Дождев, «человек сводится до функции [вещи (участка)], *растворяется в статусе* [например, герцога, графа, маркиза], объединяющем и режим земельного участка, и положение вассала в феодальной иерархии (курсивы наш. — А.Д.)» (Dozhdev, 2021, 263). Именно по этой причине понятие вещного права в *common law* следует использовать с известной степенью условности.

Эта система внешне существует и сегодня. Примерным функциональным аналогом романо-германских вещных прав является категория «property», которую зачастую не вполне удачно переводят словом «собственность». *Property* делится на *personal* и *real*, т.е. права на движимое и на недвижимое имущество. Несмотря на общее родовое понятие, традиционно мыслились они как качественно разные подотрасли частного права. *Personal property*,

¹ Неслучайно «estate» является когнатом латинского слова «status».

будучи наименее подверженной феодальным наслоениям, — вероятно, ввиду гораздо меньшей значимости для аграрного общества — наиболее похожа на континентальную собственность.

Система «вещных прав» на землю, в свою очередь, отличается значительно большим медиевализмом. У частного лица нет и не может быть «собственности» на участок, вместо нее он обладает неким *estate (titles)*². Эта категория одновременно объединяет как абсолютное по объему, непосредственное, безусловное, наследуемое без ограничений право на участок (*fee simple absolute* — ближайший аналог континентальной собственности на земельный участок), право пожизненного проживания (*life estate*), аренду или ссуду (*tenancy*), т.е. то, что любой романо-германский юрист назвал бы каким-нибудь обязательственным правом. На один и тот же участок может быть бесконечно большое количество *estates*, каждое из которых может ограничиваться по сроку, условиям наследования, пользования, объему правомочий и т.д.

Осовременена «реликтовая титульная система» (Shabas, 2014, 268) прав на вещи была в XX в. Уэсли Хофельдом (*W. Hohfeld*), концептуально разработавшим учение о «пучке прав» (*bundle of rights*) в рамках *property* (Hohfeld, 1917, 710). У Хофельда пытается аналитически деконструировать всю совокупность правовых отношений до четырёх пар: прав требования / обязанностей (*claim-rights/duty*), привилегий / отсутствия прав (*privileges/no right*), властей / претерпеваний (*powers/liability*) и иммунитетов / неспособностей (*immunities/disability*). Оба элемента в паре взаимообусловлены: в частности, для существования права требования необходимо существование обязанности и наоборот. Вместе с тем, обозначенные элементы можно сгруппировать иначе: право требования / отсутствие права, привилегия / обязанность, власть / неспособность, иммунитет / претерпевание — так, каждый из элементов «отрицает» возможность существования своей пары, как нельзя одновременно иметь право требования и не иметь такового. Эти правовые связи были названы автором юридическими коррелятами и юридическими противоположностями (*legal correlatives and legal opposites*).

Если попытаться эскизно охарактеризовать эти «атомы», то, как справедливо отмечает С.В. Третьяков, *claim-right* соответствует в германской правовой традиции понятию *Anspruch* (притязание, право требовать определённого поведения от другого лица), *privilege* — *rechtlches Dürfen* (право на собственное поведение фактического характера), *power* — это возможность изменить чужое правовое положение, «вторгнуться» в правовую сферу другого лица (*rechtliches Können*, аналог преобразовательных прав), а также неизвестный германскому праву *immunity* — иммунитет от чужой власти, «неподвластность» обозначенным «вторжениям» (Tret'yakov, 2022, 216-238).

Хофельдианская модель стала главной теоретической парадигмой понимания *property* в США (Shabas, 2014, 216-237). «Пучок» прав под названием «*property*» можно было разложить на бесконечное количество «прутьев», каждый из которых имел собственное существование, самостоятельную ценность и потенциально мог оборачиваться (отчуждаться) как полноценное право. Как результат этого процесса, получившего название «фрагментация» права собственности, наиболее близким функциональным аналогом собственника в гражданском понимании в США является обладатель всего «пучка» прав требования, привилегий, полномочий и иммунитетов, присущих *fee simple absolute*. Выдергивание «прутьев» из этого пучка деконструирует

² «Title» представляет собой чуть более широкое по объему понятие, нежели «estate». Если последнее включает только права на недвижимое имущество, то первое также охватывает права на движимое имущество.

fee simple absolute и создает новую форму *property*³. Полезно думать о понятии «property» как о некоем спектре, на котором расположены все возможные изводы права на вещь от наименее к наиболее полным. Итак, *property* для У. Хофельда лишено самостоятельного содержания, это «зонтичный термин», ничего не сообщающий об объеме прав лица на вещь в отрыве от своей конкретной формы⁴.

Вещные права на «виртуальные вещи» в выводах Дж. Фейрфилда

Джошуа Фейрфилд развивает заложенную Уэсли Хофельдом фрагментированную собственность. Если признать собственность «зонтичной» категорией, то с необходимостью возникает нужда «связать» соответствующие разнообразным «прутья». В хофельдианской модели за это отвечает вещественность (*thingness*) — телесная оболочка, заключающая в себе важные для права юридические свойства. Хотя вещь — явление не природное, а социальное (т.е. является результатом деятельности человека), это не отменяет того факта, что первичное взаимодействие человека с ней происходит через имеющиеся у него органы чувств. Отсюда следует, что первое, что человек видит, — это некое тело, объект, который он затем наделяет правовыми (социальными) свойствами и осмысляет как «вещь» в техническом смысле данного слова. Вещественность (телесная оболочка) — это та точка соприкосновения мира физических феноменов и правовой реальности, которая позволяет одному миру взаимодействовать с другим; *интерфейс*, посредством которого лица воспринимают и наделяют правовыми свойствами окружающую действительность, подобно тому как обычные люди воспринимают данные с монитора компьютера, «записанные» в полупроводниковых транзисторах в виде цепочки нулей и единиц.

Вещественность позволила обывателям сформировать традиционные интуитивные представления о правах на вещи: если вы видите телефон в руках человека, то склонны полагать, что он обладает полным господством над ним: может использовать, выкинуть, продать и т.д. Эти интуитивные представления играют роль противовеса аналитической природе хофельдианской концепции, напротив, возвращая в один «пучок» все вынутые «прутья» и принципиально препятствуя чрезмерному расщеплению *property*: кажется противоречащей интуиции возможность для собственника «отдать» другому лицу *вещное* право пользоваться своим телефоном по четвергам с двух до пяти после полудня. Ничто формально не мешает допустить такое, но не случайно мы не видим таких ограниченных вещных прав на каждом углу⁵. Упрощая, стоит признать, что условием существования любой умозрительной системы является эффективность ее применения. Нельзя надеяться, что рациональный агент решит имплементировать некое новое решение, если его издержки (в том числе информационные) от этого не только не уменьшатся, но, напротив, вырастут.

Вещественность предполагает формулирование, помимо конвенциональных признаков, следующих нетипичных для континентальной мысли реквизитов вещных прав.

³ Дословный перевод этого выражения — «форма собственности» — создает совершенно неверные ассоциации в сознании русского юриста (ср. ч. 2 ст. 8 Конституции РФ: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности»). В англо-американском юридическом дискурсе, напротив, под ним следует понимать различные по своему содержанию и объему «вещные права».

⁴ Это позиция так называемых «скептиков» по вопросу собственности (Merrill & Smith, 2017, 16–17).

⁵ И дело не только в *numerus clausus* (Aldoshkina, 2020).

1. *Scarcity* — ограниченного характера некоторой вещи, ее «дефицитности». Нет смысла в беспредельном господстве над вещами, которых в мире бесконечное количество, как воздуха.
2. *Rivalrousness* — конкурентности блага. Конкурентное благо при использовании гибнет. Другому лицу потребуются потратить существенные ресурсы, чтобы его воссоздать. Неконкурентное благо, т.е. такое, которое ничего не стоит произвести, не может ничего стоить, поскольку оно не соответствует одному из ключевых условий ценообразования.
3. *Excludability* — исключительности благ. Чтобы что-то охранялось вещным правом, необходимо иметь возможность исключить третьих лиц от воздействия на данную вещь.
4. *Modularity* — модульности или стандартности вещей. Отдельный стандартный модуль, как, например, плата оперативной памяти, может быть сколь угодно сложным при условии, что взаимодействие с этим сменным модулем остается в целом понятным. Достаточно единожды взглянуть на холодильник — и покупатель сразу понимает, что именно он покупает, какой именно «пучок прав».
5. *Portability* — портативности. Вещь не зависит от своего контекста. Молоток обладает одинаковыми свойствами что в спальном районе Москвы в 2024 г., что в г. Медиолан в VI в. до н.э. Если первые три свойства вещественности хорошо известны, являясь, как доказывает экономическая наука, условиями ценообразования любого ресурса, то стандартизация и портативность, насколько можно судить, предложены Дж. Фейрфилдом.

Вместо заключения

Научное осмысление народившихся вещных прав было впервые осуществлено германской доктриной XIX в. В «Пандектах» Г. Дернбурга мы обнаруживаем утверждение, что вещи — «это находящиеся в пространстве имущественные объекты» (Dernburg, 1906, 183), а «вещные права дают нам над... вещами, на которые простирается их действие, — непосредственное господство» (Dernburg, 1905). Так подчеркивается одновременная телесность, причастность к миру окружающей природы (*материальность*), но вместе с тем и оборотоспособность, отнесение к искусственной, созданной человеком категории «имущество» (*социальная природа*)⁶.

Критически важный шаг в развитии понимания категории вещи в отечественной науке гражданского права сделал, насколько можно судить, К.И. Скловский. Под влиянием социологической литературы он обратил внимание на то, что вещь не является объектом окружающего мира природы, а, скорее, целиком и полностью выступает продуктом человеческой интеллектуальной деятельности (Sklovsky, 2023, 230). Вещь — это материальный объект, который может быть в исключительном владении субъекта. Притом «материальный» здесь следует понимать необязательно как «телесный», т.е. объект, который можно потрогать, но в техническом смысле, т.е. как объект, который воспринимается органами чувств, а не мыслью (Sklovsky, 2023, 250). Так, материальны не только стулья в вашей квартире, но и криптовалюта на вашем счету, поскольку она «записана» в виде электромагнитных потоков на физических серверах криптореестра.

Распространение режима вещей на цифровые «вещи» является закономерным результатом технического прогресса и логическим развитием вещного права в новом виртуальном пространстве. В ходе проведенного исследования Джошуа Фейрфилд убедительно доказывает

⁶ Это также подчеркивается в отечественной юридической литературе дореволюционного периода (Mejer, 2003, 159).

несостоятельность модели лицензионных прав на виртуальные (цифровые) активы и гораздо большую уместность расширения сферы применения вещных прав. Так, технологии блокчейна и криптографии, а также теория игр позволили функционально воссоздать в *NFT* принципиально значимые свойства вещей, а именно дефицитность, конкурентность и исключительность. В свою очередь запись в реестре о владении токеном фактически невозможно подделать: владение цифровой «вещью» оказывается едва ли не более защищенным и прочным, чем владение телесной вещью.

Вместе с тем сохраняет исследовательскую ценность вопрос примирения традиционных вещных прав с отсутствием у цифровых «вещей» стандартности (модульности) (при покупке *NFT* покупателю совершенно неясно *prima facie*, что именно в него входит) и портативности (отдельный токен существует лишь в рамках отдельного реестра — его нельзя перенести, в отличие от вещей *par excellence*). Кроме того, остается неразрешенной проблема бесконечного дробления прав на токены и соотношения таких долевых прав с полноценными правомочиями, связанными с владением токеном. Это, однако, не препятствует принципиальному «овеществлению» режима цифровых вещей.

Список литературы / References

1. Aldoshkina, A. D. (2020). Numerus clausus veshchnykh prav: proiskhozhdenie i obosnovanie dogmатической konstrukcii [Numerus clausus of rights in rem: origin and foundation of the dogmatic construction]. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*, 4(20), 45–93.
2. Dernburg, G. (1905). *Pandekty v 3 t. Tom 2. Veshchnoe pravo [Pandects. Vols 1–3. Volume 2. Law in rem]*. Gosudarstvennaya tipografia [Government printing office].
3. Dernburg, G. (1906). *Pandekty v 3 t. Tom 1. Obshchaya chast' [Pandects. Vols 1–3. Volume 1. General part]*. Universitetskaya tipografia [University printing office].
4. Dozhdev, D. V. (2021). Opredelenie veshchnogo prava [Definition of right in rem]. In D. V. Dozhdev (Ed.), *Evropejskaya tradiciya chastnogo prava: issledovaniya po rimskomu i sravnitel'nomu pravu. T. 1. Pravo, spravedlivost', yuridicheskaya nauka. Dobrosovestnost'. Veshchnye prava i vladenie [The European private law tradition: Studies in Roman and comparative law. Vol. 1. Law, Justice, Legal Science. Good faith. Rights in rem and possession]* (pp. 261–271). Statute.
5. Hohfeld, W. N. (1917). Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning. *Yale Law Journal*, 8(26), 710–770. <https://doi.org/10.2307/786270>
6. Mejer, D. I. (2003). *Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian civil law]* (3rd ed.). Statute.
7. Merrill, Th. W., & Smith, H. E. (2017). *Property: Principles and Policies* (3rd ed.). Thomson Reuters.
8. Rubanov, A. A. (1986). Problemy sovshenstvovaniya teoreticheskoy modeli prava sobstvennosti [Problems of improving the theoretical model of property rights]. In V. P. Mozolin, & I. P. Prokopchenko (Eds.), *Razvitie sovetskogo grazhdanskogo prava na sovremennom etape [Development of Soviet civil law at the present stage]* (pp. 77–113). Nauka [Science].
9. Shabas, V. I. (2014). Teoreticheskaya model' sobstvennosti v amerikanskoj yurisprudencii: ocherk odnoy metafory [Theoretical model of property in American jurisprudence: Essay of one metaphor]. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*, 2(14), 267–301.
10. Sklovsky, K. I. (2023). *Sobstvennost' v grazhdanskom prave [Property in civil law]* (6th ed.). Statute.
11. Tret'yakov, S. V. (2022). *Razvitie ucheniya o sub'ektivnom chastnom prave v zarubezhnoy civilistike [The genesis of doctrine of subjective right in foreign civil law]* [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University]. Istina. https://istina.msu.ru/download/426810697/1s3uDx:NrRtGcYjAikv2Mr_XsDd1pbAiZk/

Сведения об авторе:

Доев А.М. — магистрант Российской школы частного права, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации; преподаватель кафедры французского языка, МГИМО МИД России, Москва, Россия.

andrewdoev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1445-2377>

Information about the author:

Andrei M. Doiev — Master Student (LL.M.), Russian School of Private Law, Private Law Research Centre; Lecturer, Department of French Language, MGIMO-University, Moscow, Russia.

andrewdoev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1445-2377>